

К ВОПРОСУ О ПУШКИНСКИХ ТЕКСТАХ (О посмертном издании сочинений Пушкина)

*

Н. К. Г у д з и й
(Москва)

Как известно, посмертное издание сочинений Пушкина, вышедшее в 1838 г. (первые восемь томов) и в 1841 г. (последние три тома), вызвало справедливые нарекания со стороны Белинского, Чернышевского, Полевого, Е. И. Якушкина и др. Упреки мотивировались общей неряшливостью издания, большим количеством опечаток, неполнотой в публикации даже напечатанных произведений Пушкина, чрезмерной осторожностью в цензурном обезвреживании издания, в произвольных исправлениях пушкинского текста, в таких же произвольных его заглавиях. Упрек вызвали и плохое качество бумаги, а также шрифта, особенно в первых восьми томах.

Если не считать В. Ф. Одоевского, чье участие в работе над изданием сочинений Пушкина ограничилось лишь составлением плана распределения пушкинских произведений по томам, в дальнейшем, однако, измененного, основная работа по изданию выпала на долю Жуковского и Плетнева. Жуковскому через несколько дней после смерти Пушкина поручено было при участии начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта разобрать бумаги Пушкина. 12 марта 1837 г. Жуковский писал И. И. Дмитриеву: «Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные прекрасные пьесы в стихах: „Медный Всадник“ и „Каменный гость“ („Дон Жуан“). Они будут напечатаны в „Современнике“ (который друзьями Пушкина будет издан на 1837 год в пользу его семейства); нашлось несколько начатых стихотворений и мелких отрывков; также много начато в прозе и собраны материалы для истории Петра Великого; все это будет издано. Теперь приступаем к напечатанию полного собрания изданных в свет сочинений. Неизданное же будет напечатано особо»¹.

Цензором издания пушкинских сочинений был назначен А. В. Никитенко. В первые восемь томов входили лишь опубликованные произведения Пушкина. Никитенко при посещении Жуковского 22 февраля 1837 г. увидел рукопись «Бориса Годунова», в которой много было вычеркнуто цензурной рукой Николая I. «Видел я также, — пишет Никитенко, — резолюцию государя насчет нового издания сочинений Пушкина. Там сказано: „Согласен, но с тем, чтобы все найденное мною неприличным в изданных уже сочинениях было исключено, а чтобы не напечатанные еще сочинения были строго рассмотрены“»². Очень встревоженный этим распоряжением царя, Никитенко обрадовался, узнав об отмене этого решения. 31 марта он записывает в дневник: «В. А. Жуковский мне объявил приятную новость: государь велел напечатать уже изданные сочинения

¹ В. А. Жуковский. Собрание сочинений в четырех томах, т. 4. М.—Л., Гослитиздат, 1960, стр. 631—632.

² А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. М., Гослитиздат, 1955, стр. 198.

Пушкина без всяких изменений. Это сделано по ходатайству Жуковского. Как это всбесит кое-кого ³.

Корректурa первых восьми томов была четырехкратной: первые две корректуры держал титулярный советник Шульговский, третью — Плетнев, четвертую — последнюю — вновь Шульговский ⁴. Кроме того, Плетнев просматривал чистые листы всех первых восьми томов ⁵. Каких-либо сведений об участии Жуковского в корректуре этих томов мы не имеем.

На очереди стояло издание трех дополнительных томов — неизданных произведений Пушкина. В письме к председателю Опеки над детьми и имуществом Пушкина графу Г. А. Строганову от 17 (29) апреля 1839 г. Жуковский писал из-за границы: «Мы (очевидно, он с семейством Рейтерн. — Н. Г.), вероятно, будем к концу июня в Петербурге. Если вам угодно будет подождать нашего приезда, то я могу взять на себя наблюдение за изданием новых сочинений Пушкина. В них иное надобно будет выбросить, иное поправить. Я рад, что государю императору было угодно взять на себя пересмотр манускрипта. Дело будет решительнее и вернее, и сочинения Пушкина будут пропущены раз навсегда и на все предбудущие издания» ⁶. 26 февраля 1840 г. Никитенко записывает в дневник: «. . . ездил к Жуковскому, который на будущей неделе отправляется с наследником за границу и просил меня побывать у него поскорее. Он отдал мне на цензуру сочинения Пушкина, которые должны служить дополнением к изданным уже семи томам. Этих новых сочинений три тома. Многие стихотворения уже были напечатаны в „Современнике“. Жуковский просит просмотреть все это к субботе. Тяжелая работа! Но надо ее исполнить» ⁷.

Из всего сказанного следует, что в цензорской работе над последними тремя томами сочинений Пушкина в той или иной мере участвовали Николай I, Жуковский и Никитенко, но больше всего, очевидно, Жуковский, предварительно проделавший эту работу при печатании некоторых пушкинских произведений в «Современнике». Едва ли, ввиду довольно частых своих отлучек из Петербурга, Жуковский принимал участие в корректуре и этих трех томов. Скорее всего, и тут корректурa велась уже знакомым нам Шульговским и Плетневым, судя по тому, что при проектировании нового, не осуществленного издания сочинений Пушкина в конце 1844 г. Шульговским была уже проделана порученная ему Опекой корректурa листов нового издания, а к Плетневу Опека обратилась с просьбой взять на себя наблюдение над изданием и особенно проверку корректорской работы Шульговского ⁸.

Принимая во внимание наличие искажений отдельных слов и фраз в дополнительных томах, нет уверенности в том, что Жуковский тщательно проверил работу переписчиков пушкинских рукописей. Но не подлежит сомнению, что рука Жуковского понадобилась в первую очередь для того, как он сам писал Строганову, чтобы «иное. . . выбросить, иное поправить». Цензурные изменения Жуковского (в «Медном Всаднике», в стихотворениях «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Вновь я посетил», в «Сказке о попе и о работнике его Балде» и др.) потребовали вмешательства не только механически действовавшего цензорского карандаша, но и в какой-то степени творческого соавторства.

Чем объяснить наличие в посмертном издании сочинений Пушкина таких чтений, которые не оправдываются дошедшим до нас рукописным

³ Там же, стр. 199.

⁴ «Государственный литературный музей. Летописи. Книга пятая. Архив Опеки Пушкина». М., 1939, стр. 180, 182—183, 368.

⁵ Там же, стр. 221.

⁶ Там же, стр. 236.

⁷ А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 1, стр. 219; *семи* — описка, вместо *восьми*.

⁸ «Архив Опеки Пушкина», стр. 263.

материалом пушкинских произведений и которые не могли быть вызваны соображениями цензурного порядка? Объясняется ли это вкусовыми или эстетическими симпатиями Жуковского или произошло это оттого, что до нас не дошли тексты, бывшие в его распоряжении? Ведь известно, что далеко не все рукописи Пушкина дошли до нас. Мы знаем, что немалое количество его автографов осталось в руках Жуковского, Анненкова, от которых перешли к их наследникам, раздаривались различным лицам, зачастую исчезнув с нашего горизонта.

Возьмем для примера стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят». Отличия текста этого стихотворения в посмертном издании от дошедшего до нас белового автографа сводятся к следующему (на первом месте цитаты из белового автографа). Вместо «Там веры чистый луч потух; || Там жены по базару ходят» — «В нем веры чистый луч потух; || В нем жены по базару ходят». Вместо «Харемы наши молчаливы, || Непроницаемы стоят» — «Гаремы наши молчаливы, || Евнухи наши в них не спят». Вместо «из Стамбула» — «от Стамбула». Вместо «Тогда нас буря долу гнула» — «И буря долу нас погнула». Вместо «На кольях скорчась мертвецы || Оцепенелые чернели» — «На кольях скорчась мертвецы || Окоченелые чернели».

Можно ли, спрашивается, заподозрить тут Жуковского в произвольных изменениях пушкинского текста? Какой смысл был в таких изменениях? Анненков в своем издании сочинений Пушкина, сохранив все особенности данного текста посмертного издания и допустив единственное отступление от него — «непроницаемы стоят» (как в беловом автографе) вместо «Евнухи наши в них не спят», очень правдоподобно в примечании к этому стихотворению пишет: «Надо сказать, что настоящей отрывок напечатан в посмертном издании с исправлениями, доказывающими, по нашему мнению, существование другого, чистого оригинала, не находящегося в бумагах поэта»⁹. Предположение Анненкова оправдывается первоначальными вариантами стихотворения, где находим: «В нем Правды чистый луч потух», «В нем жены по базарам ходят», эпитет «окоченелые» вместо «оцепенелые»¹⁰, а также редакцией стихотворения, вошедшей в «Путешествие в Арзрум», где читаем: «В нем веры чистый жар потух, || В нем жены по кладбищам ходят» и после строки «Харемы наши недоступны» — «Евнухи строги, неподкупны».

Все это заставляет думать, что в руках Жуковского был действительно текст данного стихотворения, до нас не дошедший. Стих «Евнухи наши в них не спят», очевидно, корреспондирует со стихом в предыдущей строфе — «И спит подкупленный евнух». Что касается эпитетов «оцепенелые» и «окоченелые» применительно к слову «мертвецы», то в словоупотреблении пушкинской поры по своему смыслу оба они были однозначны¹¹.

Стихотворение Пушкина «Он между нами жил» (о Мицкевиче) в посмертном издании оканчивается такими стихами:

Наш мирный гость нам стал врагом, и ныне
В своих стихах, угодник черни буйной,
Поет он ненависть. Издалека
Знакомый голос злобного поэта
Доходит к нам! . . . О боже! возврати
Твой мир в его озлобленную душу.

⁹ «Сочинения Пушкина», т. 2. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, стр. 542.

¹⁰ См.: П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 2. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 857.

¹¹ См. «Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный», ч. IV. СПб., 1822, стб. 282: «Окоченеть. . . говорится в отношении к членам телесным, когда от стужи делаются окрещшими, оцепеневшими. *Пальцы окоченели*». Эпитет «оцепенелые» при существительном «мертвецы» употреблен Пушкиным и в стихотворении «Какая ночь! Мороз трескучий. . .» («На кольях, скорчась, мертвецы || Оцепенелые чернеют»).

М. Л. Гофман находил, что стихотворение это в посмертном издании напечатано в переделке Жуковского и, судя по приведенным стихам, чтение Жуковского якобы «гораздо более чернит Мицкевича, чем чтение чистового автографа»¹². Не говоря уже о том, что в тексте посмертного издания трудно усмотреть более враждебное отношение к Мицкевичу, чем в тексте белого автографа, нельзя не согласиться с М. А. Цявловским, возражавшим против того, что в цитированных строках мы имеем дело с намеренными искажениями со стороны Жуковского. «Подобного рода сочиненных Жуковским за Пушкина стихов мы не знаем, и потому нужно предположить, что Жуковский имел нам теперь не известный какой-то авторитетный текст, который он и воспроизвел в посмертном издании»¹³.

Остановимся еще на стихотворении «Какая ночь! Мороз трескучий. . .». Стихотворение это, Пушкиным никак не озаглавленное, Жуковский назвал «Кромешник» в связи с тем, что *кромешник* (то же, что и *опричник*) фигурирует в самом стихотворении. Оно не закончено и опубликовано после смерти Пушкина сначала с большими купюрами под заглавием «Опричник» в «Современнике» 1838 г., затем почти полностью в первом посмертном издании с таким окончанием

и конь усталый
Под трупом вихрем проскакал
.....

В перебеленном автографе незавершенное окончание, принятое в академическом издании, читается так:

и конь усталый
В столбы проскакал.

Между тем в одном из вариантов автографа последняя, также незавершенная строка читается:

Под трупом проскакал¹⁴

т. е. сходно с окончанием посмертного издания. Отсюда явствует, что и в данном случае в распоряжении Жуковского был текст этого стихотворения, до нас не дошедший. Слово *вихрем* могло находиться в этом тексте, могло быть и добавлено Жуковским.

Нет оснований приписывать произволу Жуковского варианты таких, например, стихотворений Пушкина, вошедших в посмертное издание, как «Давно об ней воспоминанье», «Бог веселый винограда», «Пьяной горечью Фалерна», «Чем чаще празднует лицей».

¹² М. Л. Гофман. Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836 гг. «Пушкин и его современники», вып. 33—35. Пг., 1923, стр. 371.

¹³ М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 199. — В посмертном издании сочинений Пушкина (т. 2) поэма «Братья-разбойники» заканчивается шестнадцатью стихами, не вошедшими ни в одно из прижизненных изданий поэмы («Умолк, и буйной головою | Разбойник в горести поник» и т. д.). Эти стихи впервые исключены были в издании сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова в изд-ве «Просвещение» (1909). Включение этих стихов в посмертное и последующие за ним издания Морозов объяснил тем, что они либо восходят к не дошедшей до нас рукописи Пушкина, либо сочинены Жуковским. Но последнее предположение отпадает, так как стилистический и тематический анализ добавочных стихов убеждает в том, что они принадлежат самому Пушкину, не включившему их ни в одно из четырех изданий своей поэмы. Приходится полагать, что рукописный текст их до нас не дошел (см.: Н. Г у д з и й. «Братья-разбойники» Пушкина.—«Изв. АН СССР», Отд. обществ. наук, 1937, № 2—3, стр. 648—650).

¹⁴ П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 1. Изд-во АН СССР, 1948, стр. 595.

Одно из самых гениальных стихотворений Пушкина — «Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы» — в посмертном издании его сочинений оканчивалось строками: «Я понять тебя хочу, || Темный твой язык учу». Так в издании Анненкова и в большинстве последующих изданий. Но в дошедшем до нас беловом автографе последний стих читается: «Смысла я в тебе ищущу»¹⁵. И в черновых вариантах читаем: «Смутно смысла я ищущу», «Смысла я в тебе ищущу» и нигде — «Темный твой язык учу»¹⁶. В свое время один из крупнейших знатоков творчества Пушкина С. М. Бонди писал по поводу окончания этого стихотворения: «В новых изданиях печатается другое окончание:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищущу.

В чем тут дело? Редактор последних изданий М. А. Цявловский, анализируя текст этих стихов по единственной сохранившейся рукописи его, увидел, что во всем остальном этот текст совпадает с публикацией Жуковского, кроме этой строчки. Эту строчку, думает он, вероятно, сочинил сам Жуковский. Можно объяснить, почему Жуковскому захотелось изменить текст Пушкина. Жуковскому могла показаться нескладной рифма *хочу* и *ищущу*. Он в иных случаях выправлял текст Пушкина. Он мог и здесь «исправить» Пушкина. . .

Однако можно и возражать против такого решения вопроса. Почему мы знаем, что не существовало у Жуковского еще одного автографа, который до нас не дошел? До нас дошел один листок, а десять их могло пропасть. Трудно также предположить, чтобы Жуковский переправлял без цензурной надобности зрелый текст Пушкина. И сторонники этой точки зрения настаивают, что хотя единственный автограф говорит: *Смысла я в тебе ищущу* — все же следует печатать по традиции — «Темный твой язык учу».

Можно ли решить этот вопрос раз навсегда и окончательно? Пока будет возможность разных мнений, такой случай будет заведомо сомнителен: 50% за и 50% против, веса стоят одинаково, и разные психологические мотивы тянут для одного редактора одну чашку, а для другого — другую»¹⁷.

Однако, имея в виду участие С. М. Бонди в редактировании 3-го тома академического Полного собрания сочинений Пушкина (1948) и 2-го тома собрания его сочинений в издании Гослитиздата (1959), в которых текст этого стихотворения содержит чтение «Смысла я в тебе ищущу», следует думать, что С. М. Бонди чашу весов в конце концов перетянул на это чтение.

Сопоставляя строки «Темный твой язык учу» и «Смысла я в тебе ищущу», нельзя не признать, что вторая строка по своей словесной выразительности гораздо бледнее первой. Если «Темный твой язык учу» — поэзия, то «Смысла я в тебе ищущу» — самая заурядная проза. У нас нет оснований утверждать, что Жуковский добивался графически точной рифмы, в данном случае с окончанием *чу-чу* вместо *ищущу*. У Жуковского, раннего и позднего, сколько угодно неточных, бедных рифм. Обратим внимание на текст напсчаташного октавами стихотворения «Осень», как оно опубли-

¹⁵ Беловой автограф этого стихотворения впервые воспроизведен в книжке И. Зильберштейна «Из бумаг Пушкина» (6-ка «Огонек», № 102. М., 1926, стр. 19); более отчетливо — в книге Б. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, Приложения).

¹⁶ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 2. Изд-во АН СССР, стр. 861—862.

¹⁷ С. М. Бонди. Спорные вопросы изучения пушкинских текстов. «Литература в школе», 1937, № 1, стр. 41.

ковано в IX томе посмертного издания сочинений Пушкина. Там в III строфе вместо *рек*, рифмующихся с последующими *снег* и *век*, стоит *вод* («Скользить по зеркалу стоячих, ровных вод»). В XI строфе оставлена без окончания первая строка, приведено лишь ее начало: «И мысли в голове. . .», хотя в черновых вариантах стихотворения находим чтения «И мысли в голове толкаются в отваге», «И мысли в голове стесняются в отваге»¹⁸. Анненков, вслед за посмертным изданием также напечатанный *вод* вместо *рек*, неоконченную строку приводит полностью: «И мысли в голове волнуются в отваге», предполагая, что отсутствие окончания в данной строке, по всей вероятности, объясняется неразборчивостью рукописи¹⁹.

Можно ли представить себе, что Жуковский, столь равнодушно отнесшийся к неряшливому тексту «Осени» в посмертном издании, — тексту, который не требовал от него больших усилий для его «улучшения», — обратил внимание на графически и акустически несовершенную рифму и вписал в пушкинское стихотворение собственное исправление?

Высказывалось также соображение, что фраза «Темный твой язык учу» более свойственна мистико-романтическому стилю Жуковского, чем поклоннику трезвого выражения мысли Пушкину. Но если в этой фразе искать романтического мистицизма, то с таким же успехом его можно найти в таких поэтических перлах, как строки

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня. . .

Обратим внимание на то, что эпитет *темный* у Пушкина фигурирует часто отнюдь не в привычных, банальных сочетаниях. Вот примеры: «темный ум», «кончину. . . темную», «жертва темная», «темном. . . владычестве татар», «темные. . . века», «темною струею», «темный кипарис», «темный бег реки», «темные предания», «темные слухи», «голос музы темной», «блаженство темное», «темных ожиданий», «темной. . . надеждой», «темный голод», «темной старины», «темном утре дней», «век. . . темный», «заботы темной», «темные деянья», «темной клеветой» и др.²⁰. Слово «язык» встречается у Пушкина, между прочим, в таких сочетаниях: «язык девических мечтаний», «Язык мучительных страстей», «И сердца моего язык», «язык любви немой», «очарованный язык», «Языком сердца говорю», «вещий язык»²¹.

Не говорит ли все сказанное по поводу фразы «Темный твой язык учу», что она не находится в противоречии с поэтикой Пушкина?

Обратимся к другому лирическому шедевр Пушкина — «Для берегов отчизны дальней», в IX томе посмертного издания напечатанном с произвольным заглавием «Разлука». Окончательно не отделанное и при жизни Пушкина не напечатанное стихотворение это здесь читается так:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;

¹⁸ П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 2. Изд-во АН СССР, стр. 932.

¹⁹ «Сочинения Пушкина», т. 2. Изд. П. В. Анненкова, стр. 540.

²⁰ «Словарь языка Пушкина», т. 4. М., 1961, стр. 494—495.

²¹ Там же, стр. 1033. — В картотеке дополнительного тома «Словаря», содержащего черновые варианты пушкинских произведений, находим: «темном альманахе», «темная могила», «пещеры темная прохлада», «язык судьбы».

Томленья страшного разлуки
 Мой стон молил не прерывать.
 Но ты от горького лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Из края мрачного изгнанья
 Ты в край иной меня звала.
 Ты говорила: в день свиданья
 Под небом вечно голубым,
 В тени олив, любви лобзанья
 Мы вновь, мой друг, соединим.
 Но там, увы! где неба своды
 Сияют в блеске голубом,
 Где под скалами дремлют воды,
 Заснула ты последним сном.
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли в урне гробовой,
 Исчез и поцелуй свиданья. . .
 Но жду его: он за тобой. . .

Незадолго до этого это стихотворение с тем же заглавием было напечатано в альманахе «Утренняя заря на 1841 год» с разночтением в предпоследней строке: «А с ним и поцелуй свиданья». В издании Анненкова текст посмертного издания напечатан без всяких изменений, вплоть до пунктуации²². Вслед за Б. В. Томашевским и М. Л. Гофманом в академическом издании сочинений Пушкина стихотворение печатается по незавершенному беловому автографу, и публикация текста выглядит следующим образом: вместо «Где под скалами дремлют воды» — «Где [тьень олив легла] на воды» и вместо «Исчез и поцелуй свиданья» — «А с <ними> поцалуй свиданья». Слова, взятые в квадратные скобки, зачеркнуты Пушкиным, слово «ними», взятое в ломаные скобки, — редакторская конъектура, вызванная тем, что находящееся в автографе «А с ним и поцалуй. . .» не согласуется в числе с двумя связанными с этими словами существительными («краса» и «страданья»). Конъектура эта, исправляющая написание Пушкина, сделанное явно по рассеянности, искусственна и произвольна. Упоминание тени олив в третьей строфе после того, как о той же тени олив шла речь в предыдущей строфе, свидетельствует о художественной погрешности поэта, что он и сам сознал, зачеркнув слова, в которых вторично упоминалась тень олив.

Принимая во внимание, что в последующем варианте автографа находим чтение «Где дремлют воды»²³, чтение текста «Утренней зари», «Где под скалами дремлют воды», повторенное в посмертном издании и в издании Анненкова, должно считаться более приемлемым, чем чтение «Где тень олив легла на воды», отвергнутое Пушкиным. Если даже «под скалами» рассматривать как конъектуру, то она во всяком случае приемлемее, чем конъектура «с ними», исправляющая пушкинское написание «с ним и».

Поэтому можно присоединиться к суждению на этот счет Г. О. Винокура: «Мне кажется, что мы не погрешим против „канона“, если сохраним здесь домысел „Утренней зари“, с тем только непременно добавлением, что поставим эти по догадке вписанные слова: „под скалами“ в скобки или же отметим здесь авторскую лакуну простым многоточием, что часто

²² Г. О. Винокур ошибочно приписывал Анненкову исправление «Исчез и поцелуй свиданья» — см. его книгу «Критика поэтического текста» (М., 1927, стр. 94): эта строка буквально воспроизводит чтение посмертного издания.

²³ П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 2. Изд-во АН СССР, стр. 868.

практикуется при публикации черновиков, незаконченных отрывков и т. п.»²⁴.

У нас не может быть полной уверенности в том, что «Под скалами дремлют воды», точно так же как и «Исчез и поцелуй свиданья», — не пушкинские чтения, восходящие, быть может, к недошедшему до нас автографу, а исправления редакторов незаконченных пушкинских стихов, будь то Жуковский, Плетнев или Владиславлев, редактор «Утренней зари»; но во всяком случае эти чтения, недоработанные Пушкиным в дошедшем до нас беловом автографе, ближе к высокой художественной культуре Пушкина, чем те, которые закреплены академическим изданием его сочинений. На этом основании, приравнивая отсутствующие в пушкинской рукописной традиции, относящейся к этому стихотворению, слова «под скалами» и «Исчез» к конъектурам, нет настоятельной необходимости брать их в скобки или заменять их многоточиями.

В заключение обратимся к общей оценке первого посмертного издания сочинений Пушкина. В самом начале статьи указаны были те существенные недостатки, которые присущи этому изданию. Б. В. Томашевский, присоединяясь к отрицательным отзывам о посмертном издании, в то же время указывал, что «оно все-таки сыграло огромную роль и для распространения сочинений Пушкина среди читателей, и для изучения творчества писателя». «Впервые, — по словам Б. В. Томашевского, — произведения Пушкина во всем их объеме сделались обозримыми, лишь в разделе прозы, особенно критической и публицистической, пробелы были слишком заметны»²⁵.

Следует сказать, что Томашевским явно преувеличены и недостатки посмертного издания сочинений Пушкина, давно уже отмеченные критикой, и его достоинства. Конечно, это издание слишком далеко было от того, чтобы сделать обозримыми сочинения поэта «во всем их объеме», но и при всех своих недостатках оно было не так уж плохо, чтобы заслужить себе беспощадно суровую оценку, особенно принимая во внимание сравнительную быстроту напечатания первых восьми томов и почти отсутствующую в то время практику издания посмертных произведений писателя. Нужно сказать, что особенной небрежностью с точки зрения подачи текста отличались последние три тома, вышедшие в 1841 г. и заключавшие в себе неизданные до тех пор произведения. Возможно, что причиной тут была неразборчивость почерка Пушкина. Цензурное обезвреживание издания было вынужденным не только у редакторов посмертного издания, но и позже, у Анненкова²⁶; заподозривание же Жуковского или кого-либо другого во вмешательстве в текст Пушкина, не вынужденном цензурными соображениями, далеко не всегда может быть оправдано.

Вообще же вещи лучше всего познаются путем сравнения. В 1855 г., через четырнадцать лет после появления в свет последних трех томов посмертного издания сочинений Пушкина, вышли первые шесть томов сочинений Пушкина в издании П. В. Анненкова (седьмой, дополнительный том вышел в 1857 г.). Б. В. Томашевский анненковское издание определяет как «первое критическое издание сочинений Пушкина»²⁷.

²⁴ Г. Винокур. Указ. соч., стр. 95.

²⁵ Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1937). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 445.

²⁶ См.: П. В. Анненков и его друзья», ч. I. СПб., 1892, стр. 393—424 (статья «К истории работ над Пушкиным. II. Любопытная тяжба»).

²⁷ Б. Томашевский. Указ. соч., стр. 448. — Вполне положительную оценку издания Анненкова дал еще Чернышевский в статье «Сочинения Пушкина» (см.: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 424 и сл.) и позднее Б. Л. Модзалевский в статье «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., «Прибой», 1929, стр. 277—396), в основном отрицательную — С. А. Венгеров («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», т. I. СПб., 1889, стр. 602—604). Никто из упомянутых авторов не называл при этом издании Анненкова критическим.

А между тем в нем перепечатаны почти без всяких изменений тексты посмертного издания даже и в тех случаях, когда они содержали явные, бросающиеся в глаза ошибки. Правда, Анненков сообщает, что «разрешение на новое издание сочинений Пушкина дано было с условием держаться безусловно текста прежнего посмертного издания 1838 года»²⁸. Однако это ограничение, нужно думать, имело в виду главным образом цензурную сторону посмертного издания. Но Анненков воспроизводил такие ошибки этого издания, которые при внимательном отношении к делу легко могли быть исправлены. Так, в стихотворении, произвольно озаглавленном в посмертном издании «Родриг» и с таким же заглавием напечатанном Анненковым (несмотря на оговорку в примечании к стихотворению о произвольности заглавия, как это делал Анненков и в других случаях), читаем: «Но отшельник, чьи остатки. . .» (т. 3, стр. 16) вместо «останки». В стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один» — «Журчанье пчел над розой алой» (там же, стр. 42) вместо «Жужжанье пчел». В стихотворении «Подражание итальянскому» — «В предательную ночь лобзавшие Христа» (там же, стр. 66) вместо «В предательскую ночь».

Вместе с тем в отдельных случаях Анненков все-таки исправлял очевидные ошибки посмертного издания. Так, в стихотворении, произвольно озаглавленном «Опять на родине», Анненков, сохранив это заглавие, восстановил правильное чтение первой строки: вместо «Опять на родине! я посетил» — «. . . Вновь я посетил». Испорченное предложение в том же стихотворении «три сосны || Стоят поодаль, две другие || Друг к дружке близко» правильно восстановлены по рукописи: «три сосны || Стоят, одна поодаль, две другие || Друг к дружке близко». В том же стихотворении ошибочно расшифрованная в посмертном издании строка «Знакомым шумом ветер с их вершин» правильно восстановлена: «Знакомым шумом шорох их вершин». В стихотворении «Была пора. . .» в явно испорченных строках посмертного издания — «Стал гуще звон его заздравных чаш» и «Где проводил он главный свой досуг» Анненковым по рукописи заменено «гуще» на «глуше» и «главный» на «славный». Очевидно, другие ошибочные чтения посмертного издания Анненковым не исправлены по невнимательности или в результате спешки в работе.

Ограничившись рассмотрением лишь нескольких текстов, вошедших в посмертное издание сочинений Пушкина, и сопоставив эти тексты с публикацией их в издании Анненкова, мы, думается, не в праве к посмертному изданию относиться с преувеличенной строгостью.

²⁸ См.: «П. В. Анненков и его друзья», стр. 412. См. также: «Дела III отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине». СПб., 1906, стр. 222.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965